

В сумерках

книга вторая

18+

Любовь Соколова

Любовь Соколова
В сумерках. Книга вторая

«Автор»

2021

Соколова Л.

В сумерках. Книга вторая / Л. Соколова — «Автор», 2021

Социальная сага, продолжение романа "В сумерках. Книга первая". События, описываемые в книге, происходят в течение полувека - с 1968 по 2018 год. В центре повествования большой провинциальный город, расположенный где-то между Волгой и Енисеем. Город Темь на реке Тама населен персонажами, каждый из которых заслуживает понимания и симпатии, они стремятся к успеху или по крайней мере комфорту, благополучию. Однако совместными усилиями складывают из своих историй неоднозначный и даже неприглядный отчасти пазл - социальный срез общества потерявшихся людей. Но разве стоит их винить, судить? Они же не знали... пусть первый кинет камень тот, кто без греха. У каждого персонажа есть прототип, а то и два, и три. Поэтому вам покажется, будто речь идет о ваших знакомых или даже о вас. Не обижайтесь и не бойтесь заглянуть в зеркало, вдруг вам понравится!

© Соколова Л., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Юбилей Теми	5
Глава вторая	9
Явление Аллы	9
Глава третья	16
Немецкое телевидение и русский запой	16
Глава четвертая	19
Переселение народов	19
Глава пятая	23
Песня про коня	23
Глава шестая	26
Принципы построения большой любви и взаимовыгодной дружбы	26
Глава седьмая	29
Не я, так другой возьмет эти деньги	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Любовь Соколова

В сумерках. Книга вторая

Часть первая

Глава первая

Юбилей Теми

Небо за Тамой, отсеченное от земли ровной линией горизонта, горело чистым светом летнего заката. Солнце уже скатилось на северо-западную сторону плоского, как тарелка, небо-склона. Нижний край его плавился в алом. Верхний перечеркивало узкое, как игла, облако. С востока наползала тьма.

Плотными группами стояли на разновысоких террасах берега, почти обрывавшегося к Таме, люди. Они пришли заранее и заняли у парапетов лучшие места. Заняли скамейки, стоя на которых, можно глядеть поверх голов. Обещание грандиозного шоу привлекло сюда темчан, уже пресыщенных событиями большого дня, до краев наполненного праздником, размах которого и восхищал, и вдохновлял, и утомил немислимимым разнообразием впечатлений. Никто, однако же, не хотел уходить. Переборов усталость, люди ждали финала.

Солнце за рекой на четверть опустилось в черно-зеленую гущу леса. Народу прибывало. В последний час заполнились все промежутки, откуда открывался хоть какой-то вид на реку. За спинами стоявших пошевеливалась толпа тех, кто еще надеялся найти себе подходящее место, но мест не осталось, а люди шли и шли, окликаая, в потоке теряя и вновь обретая друг друга. Они хотели прорваться к реке, хотели видеть ее.

Река была в этот час бесцветной, как фольга, не самой собой была в тот час большая сильная река, а лишь отражением того, что сверху. Наверху тьма, напозавшая с Востока, готовилась поглотить отступающий к Западу свет. Разрезая гладь Тамы по широкому ее фарватеру, два буксира бесшумно тянули баржу. Заметившие движение невольно отвлеклись от прощальной мистерии солнца, обещавшего назавтра славную погоду, и следили за перемещением баржи, смутно догадываясь о неслучайном ее появлении тут в этот час. На всем видимом изгибе реки не наблюдалось ни другой лодки, ни катера, ни паруса.

Наконец, баржа остановилась напротив кафедрального собора, чей архитектурный профиль вместе со всем комплексом епархиальных зданий служил визитной карточкой Теми. Буксиры теперь не тянули, а прочно удерживали баржу на месте. Прожекторы высветили стоявшего на палубе нового темского губернатора Медовникова. Он избрался прошлой зимой и все еще – в противовес прежнему, просидевшему в губернаторском кресле без малого десять лет – назывался новым. Узнав его, набережная, тянувшаяся от речного вокзала до порта добрых два километра, ахнула. Сначала ахнула центральная часть, и от нее выдох ударной волной пошел влево и вправо. Медовников – он стоял прямо, широко расставив ноги и поднимая голову, – держал паузу. Затем взял микрофон. Голос его, усиленный десятками динамиков, прокатился по сердцам собравшихся.

– Мои дорогие земляки, – сказал Медовников ласково баритоном, чуток подшершавленным, как эротический шепот.

Набережная откликнулась стотысячным «Ура!». Оратор опять выдержал паузу. Неважно, что еще говорил этот человек, – ему внимали, его боготворили, восхищались им, и с того

самого дня Темь поверила: Медовников обязательно станет следующим президентом России, а сама Темь через него завоюет Москву, что бы это ни значило. Никому тогда и в голову не могло прийти, что следующего президента у России не будет, по крайней мере, в обозримом будущем, да и губернаторов по своему вкусу выбирать долго еще не придется – этот последний. Когда Медовников закончил говорить, и погасли прожекторы буксиров, за его спиной взметнулся в небо фейерверк. Добрых полчаса перед взором потрясенных темчан возникали волшебные шатры, пронзаемые ракетами, летали букеты, били световые фонтаны, лил мерцающий рубинами огненный дождь, крутились шутики...

Когда все закончилось, баржи в фарватере уже не было. На бархате короткой ночи висели оглушенные редким зрелищем звезды. Общественный транспорт – муниципальные власти предусмотрительно продлили время его работы за полночь – развозил обессиленных горожан по домам. Так завершилось празднование 280-летия Теми.

На этот раз не спорили, определяя возраст города. Оттолкнулись от давнего орденосного юбилея, ради которого краеведы вынули из небытия незадачливого инженера-горняка, а с ним и его эпистолярное наследие. Без Щёва не обошлось. Нынешние отцы города не видели смысла совмещать праздник с утратившим актуальность Седьмым ноября. Взяли датировку пресловутого щёвского письма, перевели его с юлианского стиля на григорианский. Вышло с небольшой натяжкой двенадцатое июня, подходящий день – навсегда выходной государственный праздник. Чего еще желать? Больших торжеств в Теми давно не устраивали. Собственно, с того визита Ельцина, когда из-за толп народа пришлось закрыть автомобильное движение в центре, не случалось повода собраться всем вместе. Соскучились по гуляниям.

Началось празднование карнавальным шествием. Карнавал не демонстрация, поэтому площадь Революции вместе с навеки встроеной в нее трибуной выпала из маршрута шествия. Когда глава города сообразил, в чем промашка, отменять мероприятие было уж поздно. Команда мэрии лихорадочно соображала, как вывернуться из неловкой ситуации. Экстренно заказали передвижную трибунку, малой вместимости – на пять-шесть персон. Зря. Губернаторские политтехнологи – а Медовников нанимал столичных – добыли для босса открытый автомобиль, в котором он и катился в карнавальном колонне, время от времени вставая и приветствуя зрителей. Ассоциация с Кеннеди возникала, но Освальда на этот раз, слава богу, никто не нанял.

Новый губернатор символизировал собой новое тысячелетие. Выбирали его сердцем, голосуя за все хорошее против всего плохого. И привнесенный им дух обновления долго еще радовал темчан необоснованно большими надеждами. Медовников баловал население посулами. Всем деревням, мимо которых проходит магистральный газопровод в Европу, обещал скорую газификацию. Вдоль и поперек области, говорил, надо построить автодороги с твердым покрытием, а кое-где и автомагистрали. На реках, где сейчас паромные переправы, надо поставить мосты. В райцентрах – в крупных, разумеется – следует открыть кинотеатры формата «Dolby Surround», в Теми – построить аквапарк, зоопарк, мебельный магазин IKEA, музей современного искусства, как в Бильбао, и новый оперный театр со светомузыкальным фонтаном на прилегающей площади. Если «долби сэраунду» радовались, то про Бильбао народу было непонятно, да и сам Медовников потом сообразил, что перебор. Бильбао пресс-служба впоследствии настоятельно просила вымарать из всех интервью, но, как говорится, что написано пером, вымарывают за большие деньги рекламного бюджета областной администрации. Газеты, радио и телевидение еще не потеряли хватки и старались держать руководство в тонусе. Хотя самим журналистам преодолеть восторг, овладевший массами, удавалось с большим трудом. Многие оказались подверженны.

Тамара к своим сорока годам дослужилась до позиции шеф-редактора в компании БиНоРес, разросшейся до медиахолдинга. Саша Старовойтов, отмеченный многими журналистскими премиями, ветеран эфира, трудился на ниве телевизионных новостей, оставаясь любим-

цем публики и лицом канала. Накануне 280-летия в скверике среди захолустных переулков первогограда темчане торжественно открыли памятник инженеру Щёву. Просматривая привезенный Сашей материал, Тамара отметила некоторую схожесть скульптурного Щёва с новым губернатором:

– Он же вылитый Медовников в профиль.

– Нет! Ничего подобного, Тамара Пална! – возражал Саша.

– Шляпа, и парик, и свиток, – тыкал Саша пальцем в монитор, – как у Петра Первого.

Если и есть какое сходство, дак только через Петра. Медовников – он ведь как царь у нас. Все под ним, от рыбного рынка до алмазов.

– Никакой не Петр, – упорствовала Меркушева. – Стойка – точно как у Медовникова. Наверное, он и позировал. И будто речь с листа читает.

– Нормально стоит, как все. В руке свиток, в котором написал Петру, что надо пушечный завод строить. Мундир – из справочника про табель о рангах. – Саша усмехнулся. – Медовников такое не носит.

– Где строить пушечный завод? – удивилась Тамара.

– Тут.

– Саша, какие пушки? Медеплавильный завод. Не ляпни в эфире. Засмеют краеведы.

– А зачем тогда ядра? – Саша указал на горку пушечных ядер у ног Щёва.

Тамара задумалась. Действительно, зачем? И пушка на барельефе! Боевых действий освоение здешних земель промышленниками не потребовало. А затем пушка, что в нынешней Теми никто бы не понял, поставь скульптор изваяние без пушки. Памятников с пушками и пулеметами в Теми много – как реальным персонажам, так и собирательным образам. Даже отдельно кое-где пушки стоят, без человеческих фигур, чисто из уважения к смертоносности.

Знатоку истории эта приверженность милитаризму могла показаться странной. До 30-х годов XX века в городе никакую артиллерию не делали, и пролетарии тут не селились, только купцы, ремесленники и модистки для обслуживания нужд разночинцев, жандармов, служащих тюремного и почтового ведомств, а также опального дворянства, сосланного в Темь для исправления и в назидание. А вот неподалеку, за рекой Лягошихой, километрах в семи от старой городской заставы, как раз и располагался поселок пушкарей, пристроенный к громадному пушечному заводу. До последнего времени на этом заводе сохранялся полный железнотельный цикл – от руды до готового орудия. Поселок пушкарей имел, в отличие от тяготевшей к белогвардейщине Теми, яркое революционное прошлое с бандитско-большевистским уклоном. Улицы там носили имена чекистов и боевиков. Кого там только не убили! Старухи, пережившие всех родных, порой вздрагивали тихой душой, прочитав имя на табличке углового дома. В один момент, накануне Второй мировой войны, Темь так разрослась, что накрыла собой пролетарский поселок, поглотила его и стала считать все пушкарское своим исконным. Договорились, будто бы советская власть в Темь проросла оттуда, а без советской власти «тут ничего бы не стояло». Если коренного темчанина теперь спросить, какой завод основал инженер Щёв – Щёва-то каждый знает! – темчанин, не задумавшись, ответит: «Пушечный!». И покажет рукой в сторону того самого бывшего демидовского завода, работающего до сих пор. Уж если что ошибочное втемяшится здешнему человеку, никаким способом – ни просвещением, ни уговорами, ни, тем более, угрозами – дела не поправить. Поэтому ядра и пушка у постаменту безоружному Щёву – элемент обязательный.

– Допустим, не засмеют, – согласилась Тамара, подумав. – Но подпитывать заблуждения, тиражируя недостоверную информацию, мы не станем. Договорились? Хочешь сказать про ядра – скажи про медеплавильный завод, зарони зерно сомнения в головы телезрителей.

– А про Медовникова намекнуть? – язвил Саша.

– Не надо.

– Ты влюблена в него, Тамара Пална, вот и померещилось! У всех у вас по нему слюнки текут.

– По нему? Как-то криво формулируешь.

– Зато это правда, – Саша пошел в монтажную, бормоча: – Достоверная информация. Достоверная!

Глава вторая

Явление Аллы

«Мемориальный музей жертв политического террора Темь-6» встретил День России 2002 года очередным достижением. В Москве на выставочной площадке «Музея революции», как его называли в то время, впервые открылась темская экспозиция. Александровы месяц жили в столице, работая без выходных. Монтировали и монтировали, а за полчаса до открытия Ира Игоревна лично промчалась по залам с тряпкой в руках, сметая пылинки. С ними в Москву приехали Цвингер и Забродин. Бениамин Аркадьевич после официального торжества вернулся в Темь, а Сергей Михайлович остался в качестве экскурсовода и куратора выставки.

Сам вернисаж состоялся за неделю до государственного праздника, а двенадцатое июня для Виктора Михайловича Александрова стало черным днем. Беда пришла, откуда не ждали. Подоплека происшествия долго оставалась неявной, причем даже после прояснения всех обстоятельств Александров отказывался верить, будто стал объектом спланированного нападения, а напала на него и его детище симпатичнейшая особа, личное знакомство с которой оставило самое приятное впечатление. Но ведь и правда, инфаркт Виктора Михайловича спровоцировала тонко проведенная операция по дискредитации. Началась она задолго до московских событий, ранней весной того же года.

Алла Олеговна Бершадская, заместитель директора департамента имущественных отношений Темской области, получила указание тщательно проверить деятельность институции, отношения с которой достались новой губернаторской команде от прежних постояльцев «Белого дома» и вызывали большое сомнение.

Некая общественная организация получила в пользование имущественный комплекс, тянула из бюджета средства на его содержание и не платила аренду. Сверх того на счета организации поступали крупные суммы, порой в валюте, из различных благотворительных фондов, в основном зарубежных. Все это называлось странным термином «частно-государственное сотрудничество», что-то вроде концессии.

Разумеется, новый губернатор был в курсе давнего соглашения. В бытность депутатом Законодательного собрания он голосовал за соответствующую целевую программу. Делегация регионального парламента выезжала на объект. Годы с тех пор не прошли впустую. Теперь Борис Яковлевич Медовников хотел бы знать, сколько средств разворовывается, и на какую часть разворованного можно, как бы это деликатнее выразиться, наложить секвестр.

Разумеется, поручение было передано Бершадской официально, а детали Борис Яковлевич захотел изложить Алле Олеговне лично, с глазу на глаз. Они сидели в обширном кресле тончайшей кожи в комнате отдыха позади парадного губернаторского кабинета. Легкие пряди, будто случайно выбившиеся из ее гладкой прически, шекотали его щеку. Бершадская в свои сорок пять выглядела даже интереснее, чем в двадцать.

Многое связывало этих двоих, давнее, сложное, интригующее. Когда-то, в позапрошлой жизни, Алла имела дерзость заявить, будто родила от него дочь. Борис не поверил: он тщательно подходил к планированию семьи, а уж за рамки семейных отношений свой репродуктивный материал и вовсе не выносил. Теоретически прокол мог иметь место. Медовников напрягся, а выдохнул, узнав, что аналогичные претензии она предъявила еще двум первым секретарям райкомов комсомола. Девочек за такие дела принято наказывать, но никто из запятанных не имел полного представления об объеме компромата, которым владела Алла. Хуже того, были основания считать отцом ее ребенка весьма авторитетного человека, который мог своей властью назначить родителем любого из троих. Аллу тогда поддержали, сделав ее одио-

кое материнство максимально комфортным. Затем она уехала вместе с благодетелем по месту его нового назначения.

А вернулась прекрасная Алла в светскую жизнь Теми на излете девяностых. Работала в Торгово-промышленной палате. Занималась содействием созданию совместных предприятий. Знание языка, манеры, профильное образование – всё способствовало успеху ее карьеры. В новой губернаторской команде Бершадская претендовала на место в департаменте международных отношений. Получив отказ, не сильно расстроилась и взяла, что дают. Оклад, соцпакет и перспективы ее вполне устраивали.

В кресло к Борису Яковлевичу села без приглашения. Тяжелая и гибкая, уверенная – не прогонит. Провела по его щеке ладонью. Она выбрала для встречи аромат из прошлого. Веяло от ее рук чем-то дорогим: бархатно ипряно. В молодости Борис узнавал ароматы и расставлял окружающих его женщин по ранжиру в зависимости от цены и марки духов, начиная с продукции фабрики «Новая заря». Самые молодые, свежие, «неюзаные» как раз ею и пахли. Он помнил: Алла и «Новая заря» никогда не совмещались. При нынешнем ассортименте парфюмерной продукции он не заморачивался такими викторинками. Глаза, губы, грудь оказались в непосредственном доступе. Она слегка откинулась, чтобы открыть обзор декольте. Медовников вынужденно приобнял ее одной рукой за талию, другая лежала на подлокотнике, и он боролся с искушением запустить ладонь ей под юбку, слегка задрвшуюся.

Она ждала. Наконец подняла голову и пристально посмотрела в глаза Медовникову, приблизив к его жесткому, будто из прямоугольников составленному лицу свое круглое личико с милыми тонкими морщинками и едва наметившимися брыльками (знала, пора делать подтяжку, но здешним хирургам не доверяла, а поездке за рубеж мешали разнообразные обстоятельства). Прикоснулась щекой к его щеке, шепотом ахнула, обозначив, как оцарапалась о проступившую щетину. Расширенные зрачки губернатора говорили о его крайнем напряжении.

– Хорошо, милый, в другой раз, – шепнула и соскользнула с кресла. Послала от двери воздушный поцелуй. – Я тебе пригожусь, вот увидишь.

В тот же день заказала всю документацию по музею. Ознакомившись, решила первую встречу с руководством организации провести лично. Городской офис АНО «Мемориальный музей жертв политического террора Темь-б» находился на последнем этаже старинного разрушающегося здания в квартале от мэрии. Особняк стоял на балансе муниципалитета. Сдавался в аренду поэтажно и покомнатно. Географически положение удобное, красивый фасад недавно отремонтирован. На первом этаже магазин элитных часов, ювелирный и бутик одежды из Италии. Роскошные витрины, дорогая публика.

Вход в офисную часть – со двора. Арендодателю не хватило дерзости назвать это место бизнес-центром. Асфальт заканчивался прямо в подворотне, где всегда стояла черная лужа, глубина которой зависела от времени года. Лужу следовало обходить справа. Слева стена здания, изъеденная грибом, крошилась и пачкала одежду. Один из двух подъездов, ближний, выглядел заколоченным. Вплотную к нему стояли мусорные баки. Дверь дальнего в теплое время года бывала подперта кирпичами, чтобы не захлопывалась. Беда в том, что, собранная из кусков фанеры, дверь была обита листами оцинкованного железа внахлест и снабжена тугой пружиной. Требовалось большое усилие, чтобы открыть ее, а открыв, следовало придерживать, чтобы не получить удар створкой в спину.

К счастью, апрель выдался достаточно теплым, чтобы дверь не запирасть, да и битых кирпичей во дворике валялось достаточно. Всегда находился доброхот, способный подпереть тяжелую створку. Алла Олеговна в своей непростой, полной приключений жизни повидала всякое. Двор как двор. Нацелилась на дальний подъезд и прошла к нему по сухим пружинящим доскам. Туфли не запачкала. Миновала подпертую дверь, прочитала в свете тусклой лампы перечень квартирующих тут организаций и поднялась на пятый этаж по лестнице, ступени

которой продавили еще до революции кухарки обитавших в доме господ. Подъезд явно служил тогда черным ходом.

Александров встретил Бершадскую радушно, помог снять пальто и, кажется, был искренне рад познакомиться. Она отметила достойную офисную мебель и оргтехнику. Сам же хозяин офиса показался ей несоразмерным высоте потолков. Ему бы попросторнее комнату.

– У нас замечательная кофе-машина. Я сварю вам кофе, – говорил Виктор Михайлович.

Сотрудников в офисе не доставало, рабочие места пустовали, только одна по-тургеневски милая девушка, опоясанная шалью, серфила по сайтам. Монитор отбрасывал свет на ее бледное лицо. Представить девушку директор не считал нужным.

– Обожаю кофе, этот аромат! – продолжал Александров. – Сам не употребляю – врачи запретили. Сердце! Я читал, будто британские ученые установили обратную зависимость: кофе для сердца чрезвычайно полезен в определенных дозах. К сожалению, мой доктор не верит ни в британскую науку, ни в дозировку. А я сомневаюсь, смогу ли остановиться, стоит только пригубить. Кофеман. Зависимость, знаете ли. Удовлетворяю пагубную страсть, наблюдая, как другие употребляют в моем присутствии. Ну вот, готово! Пойдемте в мой кабинет.

Он подхватил две чашки, пояснив:

– Вторая для Сергея Михайловича, я вас сейчас познакомлю.

В кабинете, куда они прошли, причем Алла Олеговна любезно придержала дверь, пропускающая впереди себя Александра с чашками, сидел Забродин.

Бершадская не узнала бы его, но волна изумления, эмоциональный импульс, пробежавший от этого человека, заставил ее присмотреться. Да! Это он. Не вспомнила бы имя. А он не забыл и мнется теперь, не знает, уместно ли «узнать». Дождалась окончания официальной части знакомства и разрядила обстановку:

– Мы с вами виделись. Наши дети когда-то пошли в один и тот же первый класс. Вы меня помните?

У Забродина дух перехватило. Он уже сел, но при этих словах снова встал, смешался, снова опустился на стул, чуть не сдвинув локтем чашку:

– Припоминаю. Припоминаю. У вас такая... милая девочка была, она сидела с моим за соседней партией. Не вместе, а за соседней. Помню.

Он снова сделал опасное для чашки движение, пытаясь изобразить, как располагались парты.

Александров, заметив нервозность коллеги, про себя объяснил себе его поведение, как обычно: «С похмелья или недопил». Вслух призвал его не волноваться так сильно:

– Успокойтесь, Сергей Михайлович, нас еще не штрафуют и не выселяют. Принесите-ка лучше наши выставочные эскизы. Проведем для гостыи воображаемую экскурсию. Итак...

Встреча закончилась приглашением непременно посетить музей в Сучино.

– Я бы с удовольствием, но к вам далеко ехать, почти триста километров. Вот на будущий год откроют магистраль на северо-восток, тогда обязательно приеду первым же попутным транспортом.

– Обозом! – пошутил Сергей Михайлович. Он сидел как на иголках. Бершадская не посмотрела в его сторону.

– У нас там уже готова гостиница. Есть где переночевать, – настаивал Александров.

В его предложении остаться на ночь не прозвучало ничего фривольного. Алла Олеговна рассмеялась:

– В бараке на нарах или в ШИЗО?

– Ни в коем случае! Это же выставочные площадки, а у нас настоящая комфортная гостиница, с кухней.

– С кофе-машиной?

– Там прекрасно варят кофе в джезве.

Бершадская внезапно решила задать Александрову вопрос, на который не находила ответа, читая материалы о политзаключенных, отбывавших срок в здешних краях:

– Виктор Михайлович, объясните мне, если сможете, вот какую вещь. Все эти люди на строгой зоне и на особой зоне находились в плотной изоляции. Потом самых влиятельных стали выдворять из страны. Кто-то погиб. Кто-то оказался в ссылке. Доступ в столицы им закрыли. Да и количество их какое-то неубедительное для многомиллионной страны. Почему принято считать, будто это они победили Советский Союз?

Она сознательно избегла вошедшего в обиход словечка «развалили». Забродин отметил, Александров же внимания не обратил. Его вдохновила формулировка вопроса в целом.

– Когда вы приедете в Сучино или придете на выставку, если у нас здесь будет выставка, я расскажу подробно. А коротко, прямо сейчас, не имея под рукой всех материалов, я скажу следующее.

Он замолчал, задумался. Алла Олеговна кивнула и поставила сумочку на прежнее место, выказывая готовность слушать. Виктор Михайлович продолжал:

– Решающее значение имела правозащитная деятельность, начавшаяся в 1975 году после подписания заключительного акта совещания в Хельсинки. Даниэль, который был в центре, в самом котле правозащитного движения, а потом стал историком всего этого явления, использует слово «проповедь». У него есть прекрасный вывод: пятнадцать лет постоянной проповеди привели к тому, что правозащитное сознание незаметно стало латентной формой самосознания значительной части интеллигенции. Сопrotивление коммунистической идеологии, знаете ли, было всегда, но в какой форме? До Второй мировой войны – под лозунгом «Назад к Учредительному собранию», или «Назад к императорской России», или «Назад к чему-то там!». Оно не могло быть массовым. Массы хотели вперед, а не назад. И это правильно. После войны чрезвычайно популярен стал «ленинский социализм», якобы извращенный после его смерти. И тоже: «Назад! Вернемся от плохого Сталина к хорошему Ленину!». Заблуждение относительно Сталина и Ленина, противопоставление Ленина Сталину, за которое весьма жестоко наказывали, власть взяла потом на вооружение. Вернули людям Ленина, развенчав Сталина. Хотели – вот вам. Мы с вами помним безумие вокруг столетия Ленина. Пропаганда с одной стороны и масса анекдотов в ответ. Наконец, возникает правозащитное движение. Оно, собственно, возникает раньше, о сроках сейчас спорят. Его не могло быть в такой форме до Хельсинки – вот это совершенно точно. Потому что Всеобщую декларацию прав человека Советский Союз в сорок восьмом году не отверг, но и не подписал. А в заключительном акте Хельсинки внутри этого акта лежала Декларация. И Советский Союз, подписав Хельсинкское соглашение, подписал зашитые в него обязательства соблюдать права человека. Появились юридические основания требовать. Наказание, дискриминация или тюремный срок за убеждения – это нарушение взятых на себя международных обязательств. Политические процессы, специализированные зоны для осужденных по политическим статьям, специально разработанные ужесточенные режимы содержания и, наконец, сопротивление самих заключенных стали основанием для предъявления претензий советскому руководству.

– По-разному можно реагировать на претензии, – возразила Алла Олеговна. – Сосед музыку ночью включает, и на мои жалобы в ООН ему наплевать.

– О, это просто! – воскликнул Виктор Михайлович. – Когда сосед обратится к вам за солью или три рубля до полочки попросит, вы ему напомните про музыку, и он станет шелковый. В Советском Союзе, если помните, с экономикой к началу восьмидесятых стало совсем плохо. Нефть упала в цене, а кормить надо и африканские режимы, и Кубу – и свой народ, сидя дома, уже терпеть лишения устал. СССР нуждался в серьезных кредитах, чтобы экономику привести в более-менее приемлемое состояние. Частные банки уже кредиты давать перестали. Можно было надеяться только на государственные. Три страны – США, Великобрита-

ния и Германия – могли дать такие кредиты. Лидеры стран выдвинули много предварительных требований. Там были и сокращение ядерных вооружений, ракет и прочее, и еще один обязательный пункт – освобождение политзаключенных. Потому что, если вы даете кому-то денег взаймы, вы хотите иметь представление о договороспособности этой персоны, о его намерении выполнять взятые на себя обязательства. Это самое малое. Нарушение обязательств соблюдать права человека ударили по репутации заемщика. Когда политзаключенных стали выпускать и отменили в Уголовном кодексе политические статьи, народ страх потерял и вышел на улицы с требованием: «Долой шестую статью Конституции». Люди больше не хотели терпеть руководящую роль партии. Вот вкратце ответ на ваш вопрос. Хельсинкские соглашения. Активная борьба политзаключенных, о чем были информированы руководители ряда стран, с которыми вынужден был договариваться генеральный секретарь. Плюс провал социалистической экономики. Три фактора.

– Спасибо. Значит, на самом деле имел место шантаж. Я буду думать об этом.

– Вот как? Ну, что ж, я тоже буду думать, спасибо вам за вопрос и за неожиданный вывод. Хорошее исследование может получиться из вашего вопроса. Надо делать выставку. На первом стенде ваш вопрос. А дальше шаг за шагом развернутый ответ.

Забродин все это время кивал, надувал щеки и выглядел при этом довольно жалко. Алла Олеговна, прощаясь, попросила у Виктора Михайловича свою визитную карточку обратно и написала от руки мобильный номер:

– Я открыта для общения.

– И мне, пожалуйста, – потянулся Забродин.

– Там указан телефон секретаря, – ответила Бершадская, кивнув на визитку, которую вручила ему при встрече.

Успех выставки в Москве превзошел ожидания. Живыми экспонатами по залам порой прогуливались персоны, чьи «карточки заключенного» находились в витринах. Фотографии и чертежи углов Темского треугольника, инсталляция рабочей камеры штрафного изолятора – все вызывало горячий интерес, все было уникально, всё было показано впервые. Одна за другой шли экскурсии.

–...Работать заключенный обязан, даже находясь в ШИЗО, штрафном изоляторе, – рассказывал Забродин группе старшеклассников. – Кормят через день, а норму дай. Доктор физико-математических наук сидит на бетонной табуретке в полутемной камере и целый день вырубает из металлической ленты клеммы для утюга. Две тысячи ударов – две тысячи клемм, две тысячи одинаковых движений. Думать, писать, читать литературу по специальности запрещено. Берия сажал ученых в шарашки – работать на войну и на космос. Хоть и бесчеловечно, так ведь они пользу приносили, могли реализовать себя и даже развивались. А тут – тупо рубили клеммы. Поздний СССР был развратно расточителен в том, что касается человеческого ресурса. Люди снова, как в тридцатые годы, при Ежове, стали сырьем. Но теперь в тюрьмы шли только лучшие, избранные. Масса уже вполне удовлетворяла требованиям власти и не нуждалась в дальнейшей обработке. Переходим к следующему стенду.

Александров изумлялся артистичности Забродина. В предложенной роли он незаменим. Тексты произносил так, будто они рождались в его голове здесь, буквально по ходу лекции, а подходящее переживание изображал так свежо, как если бы слова произносил впервые.

Оплывать Сергей Михайлович начинал к вечеру, имелась у него где-то тут заначка. Пресекать не имело смысла: невыпивший Забродин становился мрачным, неинтересным.

Александров много раз собирался поговорить с Бениамином Аркадьевичем о будущем Забродина. Если не считать лекций и редких статей, к работе в исследовательском центре музея он не годился. В Сучино проявлялся самым неприятным образом. С ним придется расстаться, и лучше сделать это, не дожидаясь какой-нибудь катастрофы. Но всё никак не складывалось

с разговором, и они оба с Цвингером знали, почему. После отказа Александрова сопредседательствовать в «Мемориале» они все более отдалялись друг от друга, как расходятся в темной воде два куска расколовшейся льдины. Место отрыва крошится, плавится – и не сшить их воедино, а случайные соприкосновения наносят лишь непоправимый урон обоим обломкам безвозвратно пропавшего целого. Цвингер вел свой счет претензий к Александрову. А тот, уверенный в своей правоте, даже не представлял, как велик счет, и всё добавлял, добавлял обид прежнему верному соратнику.

Речь Александрова на открытии выставки потрясла Бениамина Аркадьевича. У него, наконец, открылись глаза, он увидел ситуацию в истинном свете и ощутил бессилие что-либо изменить. Статус государственного музея! Достижение? Нет, это не престиж, это грабеж! Государству поэтапно передается имущественный комплекс, созданный силами НКО, руками ребят-волонтеров, руками Цвингера, хозяйственным старанием Зубова. «Музей террора» в итоге остается лишь пользователем зданий и сооружений. Зато берет на себя смысловое наполнение музея, проводит за свой счет все исследования, создает интеллектуальный продукт со всеми вытекающими правами на этот продукт. Авторские права, всего-то! Вот как выглядит партнерство государства в лице администрации Темской области и общества в лице Научно-исследовательского центра, работающего под эгидой музея и в сотрудничестве с обществом «Мемориал».

Александров сорвал аплодисменты. Он сам уже давно стал лицом и даже синонимом музея.

– Мы говорим «партия» – подразумеваем «Ленин»... – ворчал Бениамин Аркадьевич, заново оглядывая экспозицию. Только на этот раз он ощущал себя чужим всему этому выстраданному. Но чужим он быть не хотел.

Цвингер долго бродил по вечерней Москве. Зашел в какое-то бистро, где заказ гарсон записал на бумажной скатерти. Выпил бокал вина, съел сыр с грушами. Вымотавшись, вернулся в отель, пытался уснуть. Но сон предательски покинул его в момент, когда уже смежились веки. Раздражал до дрожи свет уличного фонаря за окном.

– Все, что построено непосильным трудом, взять и отдать широким жестом! Да он же нас попросту обобрал! – возопил Бениамин Аркадьевич и вскочил с гостиничного ложа. – Все эти школы музеологии, курсы повышения квалификации учителей – это всё по авторскому праву остается у Александрова и его прихлебателей, сочиняющих методические пособия и клепающих передвижные выставки. Мы с Зубовым, получается, вовсе ни при чем. Мы построили – он отдает. Поэтапно!

– Зубов, Зубов, Зубов, – повторял Бениамин Аркадьевич, бегая по номеру. – Зубов меня же и прибьет стгоряча.

Идею физического устранения Александрова, однажды высказанную Ильей Федоровичем, Цвингер все еще не готов был принять всерьез, но степень его тревожности сильно повысилась. Обдумав все возможные варианты, он решил делать ставку на Сергея Забродина. Тот имел непосредственное отношение к интеллектуальному процессу и должен был найти способ если не оспорить немедленно права исследовательского центра, то хоть, по крайней мере, покопаться в бумагах, заложить какую-нибудь занозу в документацию. Александрова следовало устранить не физически, как грозил Зубов, а юридически, да хотя бы морально подорвать. Хотя бы опорочить. Забродин – алкоголик, субъект ненадежный. Но трезвым производит впечатление человека эрудированного и даже эффективного на своем поле. Не отдавая предпочтения ни Забродину, ни Зубову, Бениамин Аркадьевич заснул с мыслью: «Надо с ним обсудить, надо открыть ему глаза!».

С утра он еще раз сходил на выставку и решил, не откладывая, вернуться в Темь. Не поездом, у него не хватило бы душевных сил сутки с лишним просидеть сиднем в вагоне –

улетел самолетом. Но к Зубову не поехал. Заставил себя перетерпеть стресс и обдумать все еще раз.

Не зря терпел. В Теми его ждала новость.

Симпатия, возникшая между Бершадской и Александровым, не отменяла полученного ею задания. Контрольно-счетная палата провела внеплановую проверку и выявила в АНО «Мемориальный музей жертв политического террора Темь-б» нецелевое использование бюджетных средств на 776 тысяч рублей. Нарушение грозило крупным штрафом, а в случае невозможности урегулировать конфликт администрация области могла пойти на прекращение сотрудничества с общественной организацией, что означало бы изъятие всего имущественного комплекса немедленно.

Александров находился в Москве. Костя, старший научный сотрудник, оставленный на хозяйстве, сообщил о неприятности Зубову и Цвингеру. Предлагал вызвать из Москвы пока одну Иру Игоревну.

– Нецелевых расходов не было, она разберется, найдет причины чудовищного недоразумения.

Костя не сомневался в том, что случившееся окажется недоразумением.

Илья Зубов торжествовал.

– Это убьет, убьет его наповал! – кричал он Цвингеру, требуя, чтобы тот немедленно звонил в Москву. – Я, как член ревизионной комиссии, приказываю тебе сообщить о выводах проверки директору. Со мной он разговаривать не станет. Звони ты.

Бениамин Аркадьевич выбрал собственный вариант – позвонил в Москву Забродину. А тот, перепугавшись, брякнул Александрову что-то несуразное про начавшееся изъятие недвижимости, обвинил его в краже бюджетных средств и запаниковал окончательно, вообразив сразу суд, посадку и огласку. Погасить обнаруженную задолженность нечем, он знал точно. Если бы украли, так и погасили бы. А раз не крали – значит, нечем. Кара неотвратима.

Результатом пьяной истерики Забродина стал обширный инфаркт, причем вовсе не у самого паникера. В больницу попал Виктор Михайлович. Во время обследования он пережил клиническую смерть. Врачи спасли его, но про качество и продолжительность жизни пациента говорили мало утешительного. Александров вернулся в Темь в конце августа, в инвалидной коляске.

К тому времени отношения с администрацией удалось урегулировать. Как оказалось, один из объектов строгой зоны не был принят на баланс, так как документы затерялись при прохождении из финансового органа в департамент имущественных отношений, а средства на ремонт и содержание поступили на счет АНО и были освоены. Нестыковку в работе двух ведомств выявила сама Ира Игоревна. Указав чиновникам на допущенную ими ошибку, она бросила все прочие дела и вернулась в столицу выхаживать мужа.

Выставку не продлили. Экспонаты из Москвы забирал Забродин. Он справился с порученной работой, поднялся в собственных глазах и, поважничав недолгое время, запил.

Местные СМИ откликнулись пространными публикациями на сообщение пресс-службы губернатора о нецелевом использовании средств бюджета в музее. Сенсацией выглядел не столько факт растраты, сколько общая сумма, направляемая из областного бюджета на нужды общественной организации. За «разоблачением» ждали возмездия. Позже об истинных причинах конфликта и его урегулировании написали мало и невыразительно. Что-то, мол, там было, да замяли, нет дыма без огня. В Теми судачили о музее, называя его «Музеем ГУЛАГа». Судачили впервые за годы, прошедшие после его создания.

Глава третья

Немецкое телевидение и русский запой

Бениамина Аркадьевича тяготили дразги между учредителями. Теперь, когда схватка за ресурс грозила стать кровавой, он с облегчением отошел бы от сучинских дел вовсе, но музей оставался краеугольным камнем в его личной карьере. Возглавив региональное отделение международного общества «Мемориал», он дорожил статусом, который весил теперь больше, чем весь Цвингер со всем своим бэкграундом гражданского активиста и биографией парторга обанкротившегося издательства. Он вошел в попечительский совет музея вместе с такими личностями, о которых прежде мог только прочитать в книгах и в любимом журнале «Огонек». Наличие музея выделяло темский «Мемориал» из ряда прочих, порой совсем незначительных организаций. Драматургия его создания и развития закольцевала личную историю Бениамина Аркадьевича, не позволяя вышагнуть из круга, в центре которого находилось Сучино.

Продолжение карьеры он видел в сыне. Сыну он хотел бы передать бразды правления, но не скоро, а потом, когда придет время. Валентин после вуза пришел работать к отцу и прекрасно справлялся. Курировал волонтерское движение. Ежегодный лагерь под эгидой «Мемориала» работал в Сучино, и все шло прекрасно. Досадные нестыковки, когда Зубов, в пику Александрову, останавливал работы, Валентин научился облекать в форму «простоев по причине праздника». Молодежь вдруг отправлялась на экскурсию, или в поход выходного дня, или за грибами. В плохую погоду устраивали читку пьесы, репетицию, обсуждение фильма. Пьесу читали и репетировали в каждой смене. Написал ее Ванченко на местном лагерном материале, время от времени подновлял, добавлял драматургические линии, вводил новых персонажей. Бывало, сам автор присутствовал на разборе текста. В дела организации младший Цвингер не вмешивался. Разрушительно неприличные процессы в руководстве музея оставались под спудом.

Валентин Цвингер и сейчас находился в Сучино. Если бы речь шла о рядовой экскурсии, Бениамин Аркадьевич просто позвонил бы ему, попросил подменить Забродина, безнадежно выпавшего из действительности. Но в Темь едет съемочная группа немецкого телевидения. Ира Игоревна просила Цвингера выехать на объект, чтобы подготовиться к встрече. Сама она приедет при первой возможности, но не раньше завтрашнего вечера. Цвингеру она поставила две задачи: принять-поселить журналистов и переговорить с Николаем Николаевичем Бруном. Бывший заключенный «Темь-6» в эти дни проживал в гостинице строгого участка, работал над книгой своих стихов. Музей становился чем-то вроде творческой дачи для столичной интеллигенции. Православный монархист Брун мог быть интересен телевизионщикам как сам по себе, так и своим поэтическим творчеством.

– Надо, чтобы все срослось, – просила Ира Игоревна. – Вы уж проследите!

Бениамин Аркадьевич обладал столь тонкой организацией психики, что мог бы при некотором усилии заниматься предсказанием будущего за деньги. Необходимость отбыть в Сучино привела его в нервное состояние. Хотя причин для тревоги не было, он с самого утра знал: грядут неприятности.

В райцентре, куда он приехал на рейсовом автобусе, Цвингер взял такси до музея. Еще с пригорка, глянув на белеющую в долине вышку административного здания бывшей зоны, почувствовал неладное: какое-то излишнее безмолвие и покой, равный безжизненности. Никто не встретился ему на улицах поселка. Никто не работал на пилораме. Никто не вышел навстречу из штабной палатки волонтерского лагеря. У ограждения стояла подержанная «ауди», бежевая или казавшаяся бежевой от покрывавшей ее пыли.

«Дашка!» – понял Цвингер.

Зубов купил дочери автомобиль на окончание университета. И на этой почве у него с Александровым случился скандал. Даша долго выбирала «машину мечты», и как только нужная иномарка появилась у перекупщиков, Зубов продал пиломатериалы, заготовленные для восстановления аутентичного барака и больнички. Александров, узнав о сделке, потребовал деньги вернуть.

– Убью, сука, – ответил Зубов.

С тех пор учредители не общались уже несколько месяцев.

Должно быть, молодежь в этот час ушла купаться на Талву. Расплатившись с таксистом, Цвингер отогнул полог армейской палатки и шагнул внутрь, в темноту. В нос ударил неприятный, без труда узнаваемый запах. Сына Бениамин Аркадьевич нашел не сразу.

Растолкав пьяного наследника, Бениамин Аркадьевич кое-как объяснил ему, зачем нужно немедленно привести в порядок себя самого и избавиться от всей компании, полегшей на поле алкогольной брани. Валентина мутило, он пошел умываться, и, судя по долетавшим сюда звукам, его выворачивало. «Это хорошо, – подумал рассерженный папаша. – Чистка организма».

И тут проснулся друг сына Роман. Его будто пружиной приподняло. Он все слышал, все понял и, хотя еле держался на ногах, рвался в бой – провести экскурсию для немецких журналистов. Якобы у него имеется собственная разработка, одобренная самим Сергеем Михайловичем, а Сергей Михайлович – заведующий экспозиционным объектом, и компетенции у него неограниченные.

– Последняя инстанция, – слегка спотыкаясь на согласных, сообщил Роман Бениамину Аркадьевичу и шумно втянул в себя воздух.

– Сядь.

– Нет, я не сяду, – парень ухмыльнулся двойственному смыслу фразы. И пояснил: – Если я сяду, я сразу лягу, как они, – махнул рукой в сторону спящих товарищей. – А мне еще работать. Я хочу-у-у работать. Вы меня понимаете?

Две девушки и Андрей спали на двух сдвинутых кроватях. В их позах не усматривалось ни намека на интим. Пирушка была исключительно дружеской.

– Ты же знаешь, Роман: в лагере сухой закон.

– Почему-у-у? Сейчас пересменка. Можем себе позволить.

– Сергей Михайлович разрешил?

– Разрешил? – Роман задумался, еще раз втянул в себя воздух. – Он угостил нас, как коллег. Как старший товарищ. Вот вы, Бениамин Аррр-кадьевич, никогда. А Сергей Михайлович – большой души человек.

Цвингер готов был своими руками Забродина избить, задушить, расстрелять. Но даже не пошел на хутор. Он позвонил Ире Игоревне с просьбой отложить на сутки визит немцев. Соврал про отключение электричества.

«Хорошо хоть Александровых сейчас тут нет, и они не станут... – думал расстроенный Бениамин Аркадьевич, подыскивая определение тому, чего не станут Александровы. – Ах, да! Не станут свидетелями этого позора. – Развил мысль и пришел к следующему умозаключению: – Собственно, позор не мой, не наш с Валентином. – И неожиданно взбодрился: – Кто привел в музей этого никчемного пьянчугу? Александров. Он и виноват». Про содействие Ванченко в трудоустройстве Забродина он решительно забыл. Самоустранился Ванченко, пьески пишет, какой с него спрос. Распределив отцовский гнев между взрослыми соратниками, Бениамин Аркадьевич испытал облегчение. Еще раз посмотрел на спящих. Теперь уже и Роман утомился, привалившись к одной из девиц. Присмотревшись, Цвингер узнал:

– Ба! Да это Светочка Забродина. Яблочко от яблоньки недалеко откатилось. Страшная вещь – женский алкоголизм, – произнес мстительно и пошел купаться на Талву, предварительно убедившись, что сын встал на путь исправления – заваривает в кухне крепкий чай.

– Сахару, сахару добавь побольше!

Валентин затряс головой в ответ.

У самого берега плескалась мелкая волна, нога чуть не по щиколотку тонула в иле. Стоило пройти дальше, за линию камыша, дно твердело. Он лег на воду, поплыл брассом, перешел на саженьки и, наконец, перевернулся на спину, медленно перебирая ногами, удерживая равновесие редкими гребками обеих рук. Солнечный свет сочился сквозь фильтр единственного на всем небосклоне облака. Облачко быстро таяло, и вот уже солнце ударило в лицо со всей силой. Бениамин Аркадьевич прикрыл глаза ладонью, потерял равновесие и, перевернувшись на живот, поплыл к берегу неспешными саженьками. Вниз по реке катился звон с Кашкинской колокольни, такой далекий, что не разобрать ни ритма, ни рисунка выбиваемой из бронзы мелодии, слышны были только отрывочные, самые высокие звуки.

«Мы говорим "партия" – подразумеваем "Ленин"... Вот то же самое, только музей – и Александров, – заново бередила свою душевную рану Бениамин Аркадьевич, обыхая на солнышке после купания. – Нас будто нет, мы все невидимки. Он узурпировал всё и распорядился всем, что у нас было».

Теперь Цвингер смотрел на ситуацию, расстроившую его, с умиротворением. Ему открылись иные смыслы. Ведь если рассуждать здраво, коллега Александров ловко избавился от необходимости тратить на содержание имущественного комплекса. Средства на содержание поступают из бюджета. Вместе с бюджетным финансированием в состав правления вошел представитель администрации, полномочия прочих оказались из-за этого урезаны. Зато новый член всегда заочно присоединяет свой голос к большинству, а это удобно, этим можно манипулировать. Александров намерен добиваться режима охранной зоны вокруг комплекса. Но пока он выбит из седла – спасибо опять же непутевым властям, напутавшим с бумагами, – шанс вырваться остается. Как бы ни относился Цвингер к Зубову и Забродину, он теперь с ними в одной лодке. Они должны что-то придумать и обязательно придумают. Только надо сделать так, чтобы Зубов не оказался сверху. Это важно: чтобы не Зубов и не Александров. А кто? Цвингер вздохнул и пожал плечами. Он не против Виктора, он уважает его, ценит, но за свое место под солнцем будет биться.

«А хорошо, что не надо сегодня встречать немцев, – подумал он, прислушавшись к покою собственной души. – Горячку порет Ира Игоревна, как всегда. Сорвалась, поехали! Но ведь перенесли же на завтра – значит, сразу можно было перенести. И сама приедет завтра».

Давно так хорошо не чувствовал себя Бениамин Аркадьевич. Хорошо-то как – ощущать себя в неспешности окружающей природы! Он совершенно успокоился и решил еще немного поплавать.

Глава четвертая

Переселение народов

Вечером Тамара и Розалия провожали Михаила Крайнова на железнодорожном вокзале. Над раскаленным асфальтом перрона плавился воздух. Женщины в оранжевых жилетах убрали последствия китайской торговли. Пекинский уже ушел.

«Единичка» – так называли скорый «Владивосток – Москва» – задерживалась. Дважды объявили прибытие, а ее нет и нет. Все трое молча курили, дожидаясь окончания неизбежного ритуала прощания у вагона. Слова, сказанные заранее, не требовали повторения. Могли и не приходиться на вокзал, сам бы уехал. Тамара с облегчением заметила, что на перрон подтянулись продавцы мороженого, – значит, сейчас точно придет.

Михаил Филиппович купил в турагентстве автобусный тур по европейским столицам и билет на проходящий поезд до Москвы, чтобы там присоединиться к группе, под руководством гида добраться до Бреста, пересечь границу Польши, проехать через Берлин, Дрезден, Париж.

– Десять дней, за которые я потрясу мир! – комментировал Михаил Филиппович свое решение отправиться в вояж.

Накануне отбытия признался: возвращаться тем же автобусом он не станет. Сойдет где-нибудь на обратном пути и задержится на месяц или на год – как пойдет дело.

– У меня там в каждой столице и в окрестностях поделники, кореша. Диссиденты! Погуляю, пока не повяжут. Мне еще и на родину на историческую надо, в Мерзебург. Я ж там родился, а ничё не помню. Интересно посмотреть.

– Вышлют же! – волновалась Розалия.

– Сам уеду, когда наскучит.

– Визу не дадут тебе больше никогда.

– Дак я больше не соберусь туда. Сейчас-то со скрипом пустили: подтвердите, говорят, вашу платежеспособность и налоговую чистоту! Ха. Подтвердил. Справку о реабилитации приложил.

Воспользоваться официальным приглашением Михаил Филиппович не хотел. Ему предлагали оформить приглашение, особенно настойчиво звал один товарищ по совместному пребыванию в «Темь-6». Отказался. Ответственность принимающей стороны тяготила бы Крайнова. Приедешь к одному в Германию, а другой во Франции живет, третий в Бельгии – к ним тоже охота, а приглашение на этого выписано, который в Германии, и он обязан за гостя отвечать, сопровождать, следить, как бы чего не пошло криво. Крайнов сейчас, в свои пятьдесят шесть, по-особенному понимал и ценил свободу, причем именно в собственной трактовке этой неоднозначной для философов категории. Свобода – когда сам за себя. Предусмотрительность и законопослушание третьих лиц не должны ограничивать его волеизъявление. Точка.

Запасся разговорниками. Немецкий язык Крайнов учил в школе, английского нахватался у сына. Не того сына, взрослого и чужого, непростившего, а сына, рожденного в новом браке уже после отсидки. Всё, связанное с супружескими отношениями, он держал вне комментариев, оставаясь и в обязательствах, и как бы на воле. Мог спонтанно не ночевать дома, мог внезапно уйти на сплав с компанией друзей, закрыв мастерскую и не сообщив клиентам, когда вернется. Мог сорваться и поехать в Киев, в Москву. Жену никогда ни с кем не обсуждал и не знакомил. Она оставалась за кадром его публичной жизни, работы, загулов и увлечений. Виделась со стороны как бы святой. Не душой же! Розалия порой говорила: «Не дура же она!». Оставалось соглашаться.

Свела эту троицу мастерская. Новую машину – папину «восьмерку» пора было менять – Тамара решила оттюнинговать и воспользовалась рекомендацией прежней коллеги, Людмилы Ивановны, одноклассницы Крайнова. Тот оказывал весь спектр незаменимых услуг, а если чего-то не делал сам, направлял к надежному специалисту в соседний гараж, а то и на три-четыре гаража дальше. Однажды Тамара завернула в мастерскую к Крайнову вместе с Розалией. Та его околдовала, даже с места не вставая. С тех пор они дружили втроем. В редакции поговаривали, будто подруга отбила у Тамары поклонника, хотя на самом деле треугольник сложился вовсе не такой тривиальный. Михаила и Розалию связывали очень близкие отношения, но вся конструкция держалась на дружбе этих двоих с Тамарой. И вот один из троицы пошел в отрыв.

– Денег должно хватить на год, ориентировочно, – рассуждал Михаил. – Может, удастся там подработать на месте, может, вышлют в Россию, может, вообще там посадят.

О посадке «там» он упомянул весело, с какой-то вроде надеждой. Тамара требовала объяснений. Розалия приняла новость на удивление спокойно. Она понимала, с кем имеет дело. Не подала виду, злится или сожалеет. Уже на подножке вагона подруги вручили Михаилу кошелечек с «неразменным долларом». Символический подарок – оберег, с пожеланием привезти его назад, не обсохнуть в странствиях до последнего.

– Мог бы с собой позвать, – сказала Розалия мрачно поздним вечером, когда, проводив Крайнова, они сидели на кухне у Тамары.

– И ты поехала бы?

– Нет.

Розалия заснула быстро, только подушки головой коснулась, будто провалилась в небытие. Тамара этого не заметила и долго еще мечтала вслух, как заработают они с Розалией денег – нынче выборы в Законодательное собрание, хорошо заработать можно, если не зевать, – и поедут в Турцию, на море отдыхать. В Европу сложно визу оформлять, а в Египте жарко. Надо начинать с Турции. Возьмут дочек. Дочь Розалии Яна совсем взрослая, на будущий год школу оканчивает, а ни разу еще моря не видела. Вероника тоже не видела моря. Родители возили Тамару на море в ее советском детстве раз пять, а Вероникино детство пришлось на девяностые, когда на окраинах империи шла война, да и денег не хватало, да без отца. Девчонка все детство на даче пробегала. Так вот, заработают они денег, поедут на турецкое море, только сначала Тамаре надо с кредитом расплатиться. . . Тут Розалия, ночевавшая на кушетке, храпнула. Тамаре хватило ума не спрашивать, спит ли подруга. Она еще помечтала молча, и сама уснула.

Приснилась «заграница», вся на островах. Между островами реки. Реки текут в море. В море Таня Иванова. Плыви, говорит сюда, манит, манит Тамару. Сама на балконе стоит в городе Будапеште. Почему в Будапеште, если живет в Праге? А Таня рассердилась будто и показывает на автобус. Тамара смотрит, а по Будапешту автобусы «Икарусы» идут один за другим. Поняла: значит, Таня в Будапешт на автобусе приехала. Прямо из Теми, туда автобус ходит. Какой маршрут, спрашивает, а та говорит: любой. Все автобусы в Теми венгерские, садись и поезжай.

Проснулась растревоженная. Не зря Таня уехала. Да и вообще все вокруг на чемоданах: кого ни спросишь – либо дети уехали, либо сестра замуж вышла, либо языки учат, страну себе присматривают для ПМЖ. А то и вовсе: был человек, ахватишься – нету. Уехал, говорят. Уехал по-тихому. Самые отчаянные рвутся в США. Умные – в Канаду. Кто попроще – в бывшие соцстраны. Богатые никуда не едут, виллы покупают в Испании.

– Хочешь в Испанию? – спросила утром Розалию. Та кофе пила, поперхнулась.

– Хочу! – и смотрит выжидающе, что дальше.

– А я нет. У меня к Испании предубеждение. Гражданская война, Герника, Франко, пылающий Мадрид. Как там на пляж пойдешь? Всё кровью полито.

– Ну и воображение у тебя! Наш генеральный сейчас там. Нормально. Над всей Испанией безоблачное небо. И никаких повстанцев. Колбасу доем?

– Пополам дели!

Отъезд Тани на ПМЖ в Чехию не сильно повлиял на содержание жизни Тамары Меркушевой. Они в последнее время отделились. Настораживало одно: Таня всегда знала, что нужно делать, и всегда поступала правильно. Даже выходя замуж за сутулого первого мужа, она правильно поступила: он стал для нее стартовой площадкой. Почему Таня решила уехать сейчас, когда все налаживается, казалось необъяснимым и тревожило. Уехал и водитель Ваня, наконец смирившийся с тем, что он Семен Давидович. Он-то в Израиль со всей семьей, с ним понятно, а Таня, не отмеченная никакой национальностью, кроме русской? Тоже понеслась, подхваченная вихрем переселения народов.

Тамара, кажется, последняя осталась без родственников за рубежом. Как они там устраиваются, совершенно непонятно. И главное, зачем? Тамаре так интересно работалось и жилось в Теми! Она только в Турцию хотела съездить, потому что море, еду готовить не надо, и режим соблюдать необязательно, не то что в советских санаториях: опоздал в столовую – сиди голодный.

Завтракали медленно, а собирались на работу быстро, из подъезда на улицу чуть не бегом, опаздывали уже.

Горожане подобны дикому зверю. Натаптывают тропы, минуя перекрестки и широкие улицы, насыщенные транспортом. Тамара к своей автопарковке подругу вела напрямик – в соседний двор и там налево через арку на зады супермаркета мимо балкона Рыжей Раи. Тут все ходили. Натоптано было через лужайку от асфальта до асфальта, как в саванне на водопойной тропе. Рая как раз проснулась и вышла подышать. Все, кто тут ходит, привыкли, а Розалия от неожиданности зажмурилась и остановилась. Тамара ее потянула за руку:

– Давай, давай, не тормози, не такое видали.

Они уже садились в машину, когда Розалия нашлась, что возразить:

– Не такое видали, а такое редко где показывают.

Раиса Петровна, хоть родилась, выросла и созрела вдали от города, всегда мечтала иметь балкон. Один залетный шабашник пообещал пристроить балкон к чердаку ее родительского дома. Шабашники ремонтировали коровник. Этот попросился к Рае на квартиру пожить. Он добился полного расположения селянки, а с балконом дело застопорилось, и вообще ничего не вышло. Успел только крышу разобрать. Перекинули бригаду на другой объект. Крышу Раисе местные мужики помогли залатать, от шабашника с той поры ни слуху ни духу. Она и не ждала его, только мальчика родила. «Дала авансом за балкон, и вот те на!» – говорили в деревне. Она не сильно обижалась. На кого обижаться, если так и было. Со временем судачить про балкон перестали. Но балкон – ну очень хотелось.

Раиса ведь до того еще, девушкой, ездила в город, на завод устраивалась, на конвейер, только жилья с балконом ей не дали. Дали койку в общежитии с перспективой получить к пенсии комнату в соседнем блоке. Балконов там не наблюдалось. Тогда какой смысл? Вернулась домой. Тут и надул ее шабашник.

Она, когда уже сына растила, в церковь поехала в Кашкино, где малахольный мужичок восстанавливал колокольню. Думала помолиться. А оказалось, еще рано: не готова церковь, не освящена. Мужичок Раю приметил, пригласил еще приезжать и каждый раз рисовал с нее портреты, на Раису не похожие, а похожие больше на иконы. Раисино что-то в них угадывалось, только если рядом поставить. Она спросила денег, знала, что моделям художники платят. Денег малахольный ей не заплатил, напел с три короба про «сбычу мечт». Обещал, как только на колокольне заиграет колокол, исполнится самое заветное Раисино желание. Велел загадать

одно и хранить втайне. Перебрав все желания, Раиса загадала балкон. Художник увидел, как засияло лицо его модели, закричал:

– Вот! Держи, милая, это состояние!

Метнулся за новой картонкой, а Раиса лицо не удержала, но это не беда, художник запомнил, нарисовал картину «Мадонна в ожидании малинова звона».

Денег не заплатил, но и не обманул. Год прошел, как повесили на его колокольню колокол, и ровно день в день в городе померла Раисина тетка. В наследство от нее осталась квартира. Маленькая, на первом этаже. Оба окна выходили во двор, под окном топорщилась сорняками лужайка. Тут Раиса и отгородила себе местечко. Наняла бригаду, они ей стенку под окном проломили, поставили пластиковую дверь, заодно и оба окна поменяли на пластик. Перелами обнесли площадку ровно под балконом второго этажа, залили бетонный пол. Реконструкция стоила дорого, съела все сбережения. Соседи спохватились: мол, несущая стена, разве можно, а – поздно. Вот он, Раисин балкончик. С тех пор каждое погожее утро выходила на воздух она простоволосая, в мятой ночной рубаше из ситца, опухшая ото сна. Стояла на огороженной лужайке, оперевшись на перила собственного «балкона», и равнодушно глядела на людей, спешивших мимо. Порой почесывалась, широко открывая в зевке рот, и потягивалась, показывая рыхлые волосатые подмышки. Розалию как раз подмышки-то и заворожили.

– Откуда взялось это чудо-юдо?

– Как сюда она попала, не знаю, – сказала Тамара. – Когда мы с Ивановой и Чемодановым впервые снимали в музее, она там поварихой работала. Сколько уж лет прошло. Меня не помнит. Зимой иногда неглиже выходит на солнышко. Здорова она, просто размыто представление о границах. Небольшой вывих ума, неопасный.

– Неопасный?! – возразила потрясенная подруга. – Мужчины мимо ходят, все уже импотентами стали, наверное.

– Может, наоборот, возбуждаются.

– Что-то многовато вокруг тебя народу вьется с умственными девиациями.

– Это ты про Мишу? – Тамару слегка напрягло, что подруга еще ни разу не вспомнила отбывшего вчера Крайнова.

– Про Вадика.

Глава пятая

Песня про коня

Павлу Меркушеву исполнилось шестьдесят пять, день рождения отмечали на даче. Поскольку до солнцестояния оставалось еще не меньше недели, наплыва последователей Заратустры, которые по-прежнему осаждали сакральную территорию, не ожидалось. Погода стояла чудесная, на легендарном мысу, где Талва вливалась в Таму, дул сильный ветер. Вероника с бабушкой накануне закончили клеить флотилию воздушных змеев. Планировался грандиозный перформанс. Павел в детстве змеев сам мастерил, а теперь восстанавливал навык по памяти и по чертежам из подшивки журналов «Наука и жизнь». Накануне Тамара и Розалия привезли из города по его заказу разноцветные лебединые боа. С утра Павел их растрепал и приклеивал перья на крылья флагмана. Дочка Розалии Яна, гостившая у Меркушевых, помогала Катерине – тете Кате, как она ее называла, – завивать булочки из дрожжевого теста с маком.

Начали съезжаться остальные гости. Собралась старинная компания, еще из семидесятых. Алексей, которого теперь, по причине утраты лихости, совсем редко называли Лёхой, подвез из города медсестру Люду и с ней кузину Лизу, так и не вышедшую замуж. Супруга Алексея уверяла всех женщин, будто они совсем не изменились, не уточняя, с какого времени. Луковая рева Нина с мужем имели свой транспорт, а не поехали, здоровье подвело. Бывший коллега Павла Василий Сиринов, которого Тамара, благодаря детским воспоминаниям, называла экстремистом, приехал с женой и внуком двенадцати лет. Все дети сразу побежали на стрелку и до ужина гоняли змеев, подкрепляясь теми самыми завитыми булочками. К вечеру подтянулись приглашенные с ближних дач. Банкет накрыли на террасе. За стол не селись, ждали очень давнюю подругу Катерины. Тамара скептически отнеслась к желанию мамы пригласить Наташу Лебедеву. Павел придерживался того же мнения, что и дочь. Лебедева смолodu ему не нравилась. Надеялся, откажется от приглашения.

– Чужого поля ягода! Что ей наши грядки да парники?

Но та не отказалась.

Наталья Петровна пожаловала вместе с сыном. Молодой человек ростом со слона выбрался из красного «матисса» с таким выражением на лице, будто покидает «порше» последней модели. Обошел автомобиль спереди и открыл дверцу для мамы.

– О как! – ткнула Алексея в бок жена, всегда самостоятельно вылезая из их старенькой «нивы». А в «ниве» подножка будь здоров какая высокая.

Винючник торжества Павел, оценив демонстрацию манер, испытал желание уйти в тень, но Катерина его порыв преодолела, подтолкнув навстречу дорогим гостям. Тамара с Розалией заметили, как их дочери отреагировали на Вадика. А те убежали за баню и дружно хохотали, поочередно изображая повадки «дрессированого медведя».

– Как бы не влюбились двое в одного, – беспокоилась Тамара.

– Такого на пятерых поделить! – отвечала беспечная Розалия.

Праздник шел своим чередом. Гости оживленно общались, порой выразительно переглядывались, подмечая манеры новоприбывших. Наталья Петровна скормила своему мальчику яблоко, предварительно очистив шкурку и порезав на дольки.

– Вон как надо, – шепнула внуку жена Василия. – А ты хрясь да хрясь – кусаешь от целого.

Внук не внял. Он уже побывал за баней, где старшие девочки сформировали его отношение к Вадиму. Наконец, Наталья Петровна взяла слово для поздравления. Вручила Павлу подарок – конвертик с купюрами в красивой открытке – и объявила:

– Сейчас в честь виновника торжества прозвучит песня.

Вадик, оказывается, привез гитару – разумеется, особенную – и сейчас запоет! Вероника с Яной замерли в предвкушении. Вступительные аккорды произвели хорошее впечатление, и неизвестно, как повернулось бы дело, не объяви Наталья Петровна:

– Песня про коня!

Вообще, конечно, хорошая песня, голос у Вадима сильный, хоть и высоковат по его-то комплекции. Но песня почему-то не воспринималась как цельное музыкальное произведение, текст шел в отрыве от аккомпанемента. В устах Вадима он обретал нелепость и некоторую даже порочность.

–...Ночкой темной тихо пойте-ом, мы пойдём с конем по полю вдвоем... – Вадим порозовел щеками, поставил брови домиком.

Дачные соседи слушали вежливо-напряженно. Друг Вася с Павлом понимающе переглянулись, они оба с первой строчки взволновались за лошадь. Всерьез выступление принимала, кажется, одна только дяди-Лёхина жена, державшая за руку мужа, не желавшего приобщаться к культуре и потихоньку наполнявшего свою стопку. Медсестра Людмила внимательно изучала выражение лиц присутствующих. Лизавета – годы превратили ее из золотистой блондинки в платиновую – сжала губы, подняла брови и напряженно рассматривала собственную вилку в тарелке. Катерина хмурилась, вероятно, уязвленная музыкальностью Натальино сына при ее-то беде – полном отсутствии слуха у единственной дочери. Павел изображал готовность терпеть. Но когда Вадим завел: «Сяду я верхом на коня, ты неси по полю меня...» – Вася, недаром же Тамара держала его за экстремиста, тихонько сказал в рюмку:

– Ой, не надо! – и подмигнул Лизавете, которая из последних сил дышала носом.

Девочки с хохотом покатались прочь с веранды вниз, к реке. Людмила, взрыднув, отошла к перилам, а Лизавета, не сдержавшись, прыснула и, делая вид, что чихает, удалилась в дом.

Вадим либо не замечал реакции слушателей, либо стойко держал удар. Он потрянул головой так, что льняные, пробором разделенные пряди упали на лицо, и довел песню до финала. Рефрен «Я влюблен в тебя, Россия, влюблен» отдавал похотью, будто исполнитель признавался в намерении воспользоваться объектом вожделения неким нечистым способом.

Потом устроили танцы и показали театрализованное поздравление от Розалии, в котором она всем гостям раздала роли. По команде участники топали, кричали и качались, положив руки на плечи соседям по застолью. Угомонились за полночь, исполнив каждому из дачных соседей: «Так будьте здоровы, живите богато...».

Расшалившиеся Вероника с Яной подшутили над драгоценным Вадиком – подложили ему спящему на подушку пакет с томатным соком. Наталья Петровна обнаружила сына «в крови», устроила переполох. Виновницы признались не сразу, хотя причастность их к происшествию была очевидной. Тамара извинялась, напоминая Наталье Петровне, как в пионерском лагере девочки и мальчики мазали друг друга зубной пастой.

– Давайте считать этот поступок знаком внимания, – предлагала Тамара. – Неловкий знак, но с пастой было бы еще хуже, от пасты раздражение на коже, а от томатного сока ничего, он не вредный, даже без соли.

Не осуждал великовозрастных проказниц никто, а внук Васи вообще проникся уважением. Сам же Вася, когда улеглась пыль от красного «матисса», бросил в пространство:

– Ну и куда же этот бугай водил ночью коня? Ммм?!

Вадик и его мама внесли разнообразие в устоявшиеся годами ритуалы родительской компании. Да вот и Розалия впечатлилась. Тамара на замечание подружки про Вадика ответила:

– Надо еще подумать, кто из нас с девиацией. Маленков-то этот стал самым молодым руководителем департамента. У нас на него заявка, интервью будет в «Персону недели».

– И?! – снова сильно удивилась Розалия. – Поедешь сама?

– Нет. Саша.

– А какой департамент возглавил наш патриот-любownik? Молодежной политики и коневодства?

– Взаимодействие с общественными объединениями граждан станет курировать. Совершенно новый департамент только что создали.

– Под него нарочно?

– Не знаю. Папаша его – какая-то мутная личность. Я его видела один раз. Очень давно. Они с тетей Наташей и не живут вместе. Был в то время каким-то номенклатурным вроде.

– Олигарх теперь?

– Не исключено. А может, Вадик сам себя двигает. Сейчас такие особенные мальчики всплывают.

– Думаешь, он того?..

– Черт его знает. Может, в коня влюблен или не определился еще. Знаешь, под тридцатник, а всё с мамочкой под ручку ходит и, похоже, девственник.

Глава шестая

Принципы построения большой любви и взаимовыгодной дружбы

Порядок! В воздухе витала жажда порядка во всем, что касается частной и общественной жизни, экономики, политики. Заговорили о формировании среднего класса – страна вышла из кризиса и зашагала в ногу со всем миром. «Наличие среднего класса обеспечивает стабильность любого общества», – вещали телевизионные люди в хороших костюмах и чистой обуви. Одинаковые внешне, совпадающие в суждениях до точки, они будто переходили из студии в студию, чтобы, развалившись в современных креслах, убеждать друг друга в правильности пути, по которому идет страна. В полночном эфире еще кипели страсти дискуссионных клубов, а предметов для споров почти не осталось. Теперь уже все будет хорошо, осталось только внести законопроект и своевременно обеспечить инвестиции. Но главное – навести порядок, обеспечить порядок и поддерживать порядок неукоснительно. Представление о порядке еще не сложилось – вот в чем был фокус. Каждый вкладывал в слово собственный смысл.

Теми угрожал транспортный коллапс. Всего за два года численность автомобилей в Темской области увеличилась в три раза. Основная часть прироста пришлась на областной центр. Население накупило иномарок. «Мерседесы» и «тойоты» ночевали возле фабричных общежитий, ставших доходными домами. Обитатели городских трущоб утратили надежду обрести достойное жилье, однако им хватало денег выплачивать кредит за «ниссан патрол», а то и «кадиллак», пожилой, но в приличном состоянии. Самой востребованной недвижимостью года стали гаражи.

«Постоянное организованное парковочное место имеют только 30 процентов автомашин, – писала Тамара Меркушева в аналитическом обзоре. – В зависимости от качественных характеристик стоимость гаража в центральной части города составляет 200–350 тысяч рублей, стоимость машиноместа в подземном гараже колеблется в пределах 450–550 тысяч рублей».

Спрос возрастал. Люди стали неплохо зарабатывать. Истерическое стремление иметь хоть какие-то деньги любой ценой сменилось стремлением достичь устойчивого благополучия.

В Теми строили – еще в советское время начали, но теперь не оставалось сомнений, что достроят, – великолепный бассейн, спортивный комплекс с трибунами, прыжковыми вышками, набором саун и тренажерными залами. Объект считался пусковым. Пресс-служба губернатора давала еженедельные репортажи со стройплощадки. Комплекс сравнивали с Олимпийским бассейном в Москве, гордились, что он уступает московскому совсем немного. Тамара на пресс-конференции, посвященной завершению очередного этапа «великой стройки», поинтересовалась, зачем Теми спортивный комплекс, уступающий объекту, построенному четверть века назад. Застройщик стал сбивчиво объяснять про документацию, составленную еще в те времена, когда... Руководитель пресс-службы его остановила:

– Вы не понимаете, где Москва и где Темь? Разницу почувствуйте!

Коллеги – а присутствовали в основном молодые репортеры – охотно почувствовали разницу и посмотрели на Тамару так, будто она пукнула посреди комнаты. Посмела испортить приятный разговор неприятным вопросом! Кто ей позволил?!

Только успела войти в редакцию, а там ждет, на стуле вертится директор по рекламе с просьбой не ставить этот фрагмент в репортаж: звонили из мэрии.

– Переполошились! – похохатывал директор. – Ох, Меркушева, ох, остра! Обещали оплатить сюжет по оптовым, правда, расценкам. А так-то он бесплатно прошел бы в новостном блоке. Ну, зацепила!

– Пусть сначала подпишут заявку, а то мы их удовлетворим, а они нас – нет. Я пока этот фрагмент держу. Если не заплатят, поставлю в итоговый выпуск.

– Послали уже курьера. Подпишут, как милые.

Инна Эдуардовна Бельская понимала, что репортаж с вопросом про устаревший проект смотрелся бы выигрышно. Однако и Тамара понимала, что отказываться от денег неразумно. Допустим, покажет она в эфире беспомощную реакцию застройщика и реплику «Темь – не Москва». Что от этого изменится? Она, конечно, мастер задавать неудобные вопросы. Если кое-кто готов доплачивать ей за молчание, то почему бы и не промолчать в эфире на этот раз? Так надо для порядка. Ощущение неотвратимого упорядочивания и усовершенствования жизни отдавало новизной и тревогой. Все ли будет так хорошо, как видится?

В тот день тревогу ее подогрел призрак из прошлого. Бывший муж появился на проходной телекомпании. Он постарел и облез. Буквально! Его по-прежнему длинные локоны, очевидно, помытые ради визита, обрамляли проплешину на темечке и едва скрывали потертость на затылке.

– Где твои зубы? – спросила Тамара, заметив, как бывший муж, улыбаясь, прикрывает рукой рот. Спросила и пожалела об этом. Юрику будто лампочку внутри включили. Он принялся оживленно рассказывать про ДТП, в которое попал «с нормальными пацанами», уходя от бандюков. Та еще была погоня! Судя по тексту, Юрик часто смотрел боевики. «Значит, там, где он живет, есть телевизор», – сделала вывод Тамара. Теперь уж она читала его мысли как с листа, а мыслил он радостно. Явившись сюда, хотел денег просить на одежду, а теперь сообразил попросить на зубы. На зубы получалось куда больше, и даже если она даст только половину... Радовался он зря. Тамара достала из кошелька двести рублей.

– Это всё? У тебя нет больше?

– Тебе мало на хлеб с маслом?

– Дак хотелось бы еще по мелочи...

– Мелочи сейчас посмотрю. Вот шестнадцать копеек. Прощай. Здесь тебя не ждут. В следующий раз выставят вон. Я внесла тебя в черный список, не сомневайся. – Юрик хотел еще что-то рассказать. – Иди. Мне некогда.

– У меня еще просьба. Я документы восстанавливаю. Паспорт, все такое. Если бы ты подтвердила мою личность... И еще прописку, хотя бы временную регистрацию... Всё отняли, я без документов совсем. Ты не представляешь, что такое современное рабство.

– Не ушли от проклятой погони? – Тамара наблюдала, как бывший муж переваривает строчку из старинной песни, чтобы сделать из нее выгодный для себя сюжет. Не успел. Она усмехнулась:

– Юра, твои басни не становятся интереснее год от года.

– Столько лет не виделась, неужели ты...

– Ужели, ужели. Пой, птица Сири, в райских куцах, а я затыкаю уши.

Тамара теснила призрака, выставив вперед руки, но не прикасаясь к нему. Юрик пятился до двери и, уже оказавшись на улице, через прозрачную стену сделал какой-то жест, выражавший надежду. Махнул рукой и еще оглянулся, уходя.

Дежурный посмотрел вслед неудачнику, «внесенному в черный список». На самом деле списков таких не водилось.

– Кто это, Тамара Павловна?

– Человек из прошлого, можно сказать, родственник, очень дальний. Точнее, очень давний.

– Жалко его. Потрепала жизнь.

– Хм, всех не пережалеешь. А двести рублей его поддержат.

Призрак растворился, оставив странное послевкусие, что-то вроде непризнанной вины. Тамара давно все объяснила своей Вике-Нике-Веронике про папу и много раз объясняла снова.

С возрастом дочь становилась разумнее и сама задавала правильные вопросы, уточняя особенности отношений родителей друг с другом. Ее занимала склонность отца спонтанно придумывать нелепые истории по любому поводу.

– Он мог бы стать писателем, раз уж такой фантазер!

– Он не фантазер, он врун, и это патология. Опасная, хотя сначала кажется смешной. С таким человеком нельзя состоять в отношениях. Он непредсказуемый.

В конце концов, Тамара дала дочери установку «замуж надо выходить по большой любви за состоятельного человека со стабильной психикой».

– Но ты же по любви? – засомневалась Вероника.

– А надо по большой любви. Большая зиждется на состоятельности и здоровой нервной системе. Главное, не оглядываться, что про тебя люди скажут. Жить-то тебе.

– Что могли про тебя люди сказать?

– Могли сказать, что он меня бросил, он такой красавчик был, весельчак, а я просто какая-то клуша неотесанная, засидевшаяся в девках. Двадцать пять лет – ой-ой-ой! Вот я и побежала в ЗАГС.

– Ты – неотесанная? – изумилась дочь.

– Я отесалась потом, когда мы с тобой стали жить одни. И вообще, женщина достигает расцвета к сорока годам. Я почти достигла.

Вероника осмотрела мать оценивающе и подняла большой палец кверху. Точно!

Они сидели на своей маленькой кухне. За окнами летал настоящий снег, тот, который до весны не растает. «Рановато нынче снег лег», – подумали обе и замолчали каждая о своем.

Глава седьмая

Не я, так другой возьмет эти деньги

Депутат от двенадцатого избирательного округа Денис Александрович Суровцев имел намерение вновь избраться в Законодательное собрание области, а с некоторых пор вошло в обязанность делать накануне выборов подарки электорату. Благословенны времена, когда кандидаты горлом брали: кто больше наобещает, в дебатах молодцом себя покажет, тот и с мандатом. Суровцев дважды так прорывался. Обещать приходилось всё, чего хотелось электорату, без скидки на реальные компетенции. Шел в городскую думу – обещал пенсии поднять. Бессмысленно, бессовестно, а людям нравилось. Теперь блеф не прокатывал.

Первым применил прямой подкуп избирателей директор Темской бумажной фабрики Кудымов. Совсем недавно, на довыборах по одному из округов. Там депутат выбыл до окончания срока – уголовный срок получил. Кампанию довыборов вели на троих – директор, врач и предприниматель. Так, втроем, и ходили на встречи с избирателями: выступали по очереди, Советский Союз хвалили, о демократах отзывались уклончиво, пенсии обещали поднять, преступность снизить. Преимущество имел врач – с ним люди оставались поговорить о своих болячках. Предпринимателем тоже интересовались, прошупывали на предмет денег: даст – не даст. Директор государственной фабрики, да еще и приезжий, казался никому не нужен. И вот, выступают они трое в колледже при моторном заводе. Один кандидат высказался, другой высказался. Берет слово директор и говорит: «Обещать лишнего не стану. Дарю колледжу телевизор». И вносят помощники на сцену огромную коробку с телевизором диагональю 80 сантиметров. Зал зааплодировал, директор колледжа не стоит на месте – пляшет, а кандидат продолжает в том духе, что не последний подарок, если еще чего понадобится, обращайтесь, последнее с себя сниму, отдам на ваше благо. Телевизоры он получил по бартеру из Кореи за какую-то очень нужную корейцам бумагу. Кудымов до конца кампании телевизоры с собой носил и раздавал. Напоследок объявил розыгрыш телевизоров среди избирателей. Неважно, за кого отдашь голос, а если явился на избирательный участок, получи лотерейный талончик. Бесплатно! Выбрали его, конечно. Стыдно брать талон, если голосовал за другого. Люди в Теми еще не потеряли совесть. Вскоре после избрания директора освободилось место в Госдуме, и Кудымов туда метнулся. Похоже, у него этих телевизоров где-то вагон стоял, на запасном пути с бронепоездом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.